V. DEX

АВТОБУСЫ

роман-автофикшен

V. Dex

Автобусы

«Автор»
2026

Dex V.

Автобусы / V. Dex — «Автор», 2026

Роман-автофикшен. История взросления на фоне глобальных перемен в обществе. Герой перемещается с задних рядов автобусного салона на место водителя, всё происходящее вокруг осмысливается, присваивается, воплощается в слово. Три части, как три жизненных этапа: получение самостоятельности, принятие ответственности, обретение миссии.

© Dex V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

V. Dex
Автобусы

Глава 1

Глава 1.

С возрастом понимаешь, что мудрость это не инфонагромождение, а каратаевское упрощение, что больше внимания нужно уделить качеству кровати, на которой проводишь третью часть жизни, чем краткосрочным наслаждениям. И только приобрёл шикарную, сделанную на заказ двухспалку, стоимостью как крыло самолёта, и вот уже новое понимание: даже в гармоничных, счастливых браках необходимо формировать зоны уединения. У меня этот паттерн был получен от родителей, всегда отдыхавших отдельно друг от друга. Дожили вместе они до глубокой старости, лишь курорты заменили: мама – церковью, а папа – дачей.

Вывозить меня летом на отдых в семье определили маме. Являясь человеком системным, делала она это добротно, обстоятельно, креативно. Первое моё яркое морское переживание не имело отношения к атрибутам черноморского отдыха, а было местечковое, родственное, но, тем не менее, оставившее глубокий след в некоторых сердцах.

Анапе отводилась роль награды за месяц, проведённый в пионерском лагере, хотя особой разницы между этими двумя приютами я не видел. И там, и там купание являлось процессом дозированным, в первом – вожатыми, во втором – мамой. Питание тоже не вызывало чувства эйфории, в одной столовой постоянно хотелось есть, в другой – наоборот, есть не хотелось никогда. И эти обстоятельства выработали антикризисные механизмы: умение незаметно набирать хлеб, проходя мимо лагерных кухрабочих, и коммерциализацию каждой ложки, съеденной на курорте. Правда присутствовали и бонусы: в родительский день из плетёной кошёлки извлекались на белый свет килограмм огромной тёмной черешни и по полкило не таких сладких, а поэтому менее любимых, клубники, первой черники и смородины, а в Анапе продавали мороженое. Из-за него-то всё и началось.

Бабушка моя воспитывалась приёмными родителями, и только в зрелом возрасте узнала, что у неё есть много родственников по линии биологической матери. Одним из таких обретённых близких оказался дядя Вася, живший на плодородной кубанской земле. Обитал он в станице Варениковской и посетить его определили, как обязательный элемент нашего отпуска. Основным инициатором, конечно, была бабуля:

– Мы столько лет не знали об их существовании, нужно заехать. Я в прошлом году гостила у них, они были очень рады.

Для мамы главным аргументом являлось правильность поступка: отношения необходимо строить, меня купили, конечно же, черешней:

– Ты не представляешь, какой огромный у него сад! Будешь есть, сколько захочешь!

Для семьи наших новых родственников мы оказались, хуже татарина, но к их чести, в глаза это не бросалось.

В выбранный для поездки день открылись предзнаменования, истолкованные в угоду принятому решению. Погода была пасмурной, что мама и отметила:

– Вот и хорошо, ехать будет не жарко, и на пляже делать нечего.

Здесь стоит объяснить, что море родителями воспринималось как место получения шикарного загара, поэтому я автоматически становился участником этой модели. Я хорошо знал, что двадцать минут лежать на одной стороне – это вечность, и явно не райская. Выторговать меньше пятнадцати – считалось нереальным, поэтому диалог через десять минут после переворачивания выглядел следующим образом:

– Сколько ещё осталось?

– Ты только что спрашивал!

– Ну сколько?

– Ещё раз спросишь, и я добавлю пять минут...

Для меня же море было местом купания. Плавать я научился очень рано, но главное – это ныряние, обязательно с открытыми глазами, с поиском донных обитателей, сбором ракушек, представлением себя ихтиандром или капитаном Немо.

Поэтому отсутствие солнца мотивировало взрослую часть нашей команды, для меня же не являлось сигналом к путешествию вглубь региона.

Вторым знаком стало наличие нескольких рейсов в этот день в нужном нам направлении.

– Людей будет меньше, распределятся на разное время.

Каким это было заблуждением! Возможно, все отметили отсутствие солнца, или в эту сторону всегда ехало больше пассажиров, чем было мест в автобусах, но когда мы пришли на вокзал, было похоже, что это центральный пляж, только с одетыми отдыхающими.

– Хорошо, что пришли раньше, – не унывала мама, – сможем купить билеты на нормальные места.

Понятно, что предприимчивость оказалась не только нашим качеством, билеты нам достались на предпоследнем ряду.

– Лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять, – продолжала эта неунывающая путешественница, покидая очередь у кассы.

На улице нас ждал шедевр львовского автозавода. Это белое чудо с широкой голубой полосой, как ватерлинией, считался колесницей второго сорта. Да существовали, конечно, коротыши пазики, двери в которые водитель закрывал снаружи, толкая вовнутрь какого-нибудь висящего мужичка и крича:

– Сейчас никто, никуда не поедет! Или вы подвинетесь, или я глушу двигатель.

Но ведь существовали и «Икарусы», с креслами, в которых была высокая откидывающаяся спинка, где дверь не открывалась, а выезжала, где не брали стоячих, а если и брали, то немного, и они не висели над сидячими, а скромно стояли в проходе, высматривая тех, кто готовится к выходу, чтобы занять освобождающееся место.

А вот ЛАЗ был не рыба и не мясо. Длинный салон заполняли деревянные кресла, нет, они, конечно же, были из гнутой трубы с обтянутыми дермантином сидушками и спинками, но назвать их не деревянными язык не поворачивался. Считалось, что маршруты у такого автобуса не дальние, поэтому, по умолчанию, он подбирал по дороге всех желающих и иногда напоминал популярные консервы, заполнявшие полки сельских магазинов, народ их метко окрестил «братской могилой». В отличие от более развитого товарища, где существовали вентиляционные каналы с выводом дефлектора к каждому креслу, в этом чуде инженерной мысли свежий воздух поступал через боковые форточки, которые открывались только с одной стороны, чтобы не просквозило ровесников завода, и только на чуть-чуть, чтобы не пылило сидящим у окон.

Мы прошли в конец салона и заняли свои места, до отправления оставалось ещё больше двадцати минут. Внутри было очень жарко, несмотря на погоду и открытые у стоящего автобуса форточки с обеих сторон.

– Если хочешь, можешь сходить за мороженым, – предложила мама.

У себя дома я уже ходил в магазин, находившийся в соседнем здании, обучение в школе, я уже перешёл во второй класс, определило меня в число людей самостоятельных, достойных доверия. Но это происходило дома, где маршрут был изучен досконально, а здесь лоток находился за углом, вне зоны видимости. Маме свойственны были подобные педагогические задания, способствующие взрослению. Такими способами в мою жизнь приходили новые навыки, новые обязанности. Ещё в детсадовском возрасте был решён вопрос, кто застилает мою кро-

вать. До определённого времени это делали родители, но однажды мама задержалась в ванной, а у меня уже слипались глаза, и я сидел под дверью и канючил:

– Ма, ну застели! Хочу спать!

– Вот возьми и застели сам! – раздалось из-за двери.

Это был первый опыт, и он стал постоянным.

– О, смотри, у тебя получилось! – заметила мама. – Всё, теперь будешь это делать ты.

Отправка за мороженым не вызвала у меня ни малейшего удивления, вслед мне неслось:

– У тебя десять минут, возьми себе в стаканчике, а мне пломбир!

С мороженым у меня в сознании ассоциировался папа, он очень любил сладкое, и это было нашим совместным проектом – покупать его в тайне от мамы. Папа, вообще, очень сильно влиял на процесс моего быстрого взросления. Семья наша переехала в новую квартиру, когда я посещал последнюю, подготовительную, группу в детском саду. Вечером он забирал меня, и мы отправлялись пешком через весь город домой. Частенько, чтобы сократить путь, мы шли через старое кладбище в центре. Последние захоронения там производились за полвека до наших экскурсий, поэтому над могилами, заросшими огромными деревьями, витал дух романтизма. Там я учился читать. Я останавливался у понравившегося мне надгробия и спрашивал:

– Кто здесь похоронен?

– Читай, – просто отвечал папа.

И я погружался в мир эпитафий:

Прохожий, ты идёшь, но ляжешь, как и я.

Присядь и отдохни на склепе у меня.

Присядь и отдохни, задумавшись о днях,

Я дома у себя, а ты ещё в гостях.

У меня даже появились любимые захоронения, я представлял людей, покоившихся там, воображал, что они живы, а я с ними знаком. Мне казался несправедливым их ранний уход, но эти прогулки не навевали тоску, а скорее формировали во мне особую чувственность и интерес к человеческим судьбам. Во многом благодаря такой школе чтения я с увлечением погрузился в мир папиной библиотеки. Мне она казалась огромной, многотомные собрания сочинений русской и зарубежной классики стали продолжением историй, рождённых на кладбище.

Какая проблема для меня, парня, знавшего парочку ребят из старых склепов, сходить за двумя порциями мороженого?

– Я быстро, – крикнул я маме и пустился бегом через салон.

На улице всё было понятно: вот здание вокзала, вот угол, за которым стоит мороженщица с лотком, у меня в руках бумажный рубль, и я шёл высчитывая, сколько мне должны дать сдачи. «Пломбир – двадцать копеек, шоколадное в стаканчике – пятнадцать, итого: тридцать пять. Сто копеек минус тридцать пять – получается шестьдесят пять копеек» – прикидывал я по пути. Я уже представлял, какого номинала будут монеты, какие могут быть варианты, и тут я повернул за угол – лотка не было. Маршрут был верным, я не мог ошибиться, торговая точка исчезла.

У меня оставалось два варианта: вернуться назад ни с чем и рискнуть пойти дальше, поискать другой лоток. Ну разве мог почти взрослый человек, уже закончивший первый класс, испугаться такой незначительной преграды? Нужно только следить за временем. Я поискал глазами большие станционные часы, увидел, что прошло всего три минуты и побежал мимо центрального входа на другую сторону привокзальной площади.

Впереди белел ларёк, на его боковой стене было нарисовано мороженное в креманках на высоких тонких ножках. Такое можно купить только в кафе и стоило оно очень дорого, каждая порция больше рубля. Подбежав к окошку, я спросил:

– А в стаканчиках есть?

– Только эскимо, пломбир и лимонное, – без энтузиазма ответила продавщица.

Новая проблема недолго занимала моё сознание. Мороженое в вафельном стаканчике составляло мой рацион только из эстетических соображений: шансов запачкаться было меньше, а здесь всё было решено без меня – мама вынуждена будет признать правильность выбора. Итак, один пломбир и одно лимонное. Да цена на шесть копеек больше, но оно дешевле эскимо, совесть моя будет чиста: я выбрал не самое дорогое. А если мама будет недовольна, могу поменяться с ней. Я понимал, что мама, увидев мороженое в жёлтой глазури, скажет: «Химия!» и вернёт лимонное мне. Я никогда до этого не пробовал его, у нас в городе таких не было в продаже, и предвкушение нового гастрономического опыта приятно согрело меня.

Рассчитавшись и проверив сдачу, я отправился в обратный путь. Бросив взгляд на часы, отметил, что десять минут, отведённых мне на операцию, прошли. Это сделало невозможным начало процесса знакомства с новым вкусом по дороге, пришлось ускориться.

Автобус стоял на том же месте, дверь была открыта, и в неё ещё заходили люди. Когда я подошёл, то удивился, что проталкиваются они медленно из-за пробки в салоне. За десять минут полупустой ЛАЗ превратился в Ноев ковчег. Мороженое в моих руках становилось проблемой.

– Ты куда собрался? – спросил стоявший у двери водитель.

– Там у меня мама на предпоследнем ряду.

Парень в дверях пропустил меня. Оказавшись в салоне, я увидел только людей, стоящих впереди, вся остальная часть пространства была скрыта. Пробираться по ряду с тающим мороженым в руках представлялось нереальным, оставалась одна проблема: как сообщить маме, что я уже внутри. Вполне разумная мысль посетила меня: «Прошло больше десяти минут, мама, наверняка, встала, чтобы меня найти, и раз она молчит, значит она меня видит». Мне оставалось решить вопрос с пломбиром и лимонным – это оказалась самой несложной частью. Пока я улепётывал свою и мамину порции, водитель занял место за рулём и закрыл пассажирскую дверь.

У себя в городе я больше всего любил ездить в троллейбусе на переднем сидении. Я представлял себя водителем, крутил импровизированный руль на поворотах, давил на невидимые педали, объявлял остановки. Но там все маршруты хорошо знакомы, а здесь всё впервые. Я так увлёкся наблюдением за дорогой и шофёром, что не заметил, как мы доехали до первой остановки.

Пейзажи, открывавшиеся мне, не были похожи ни на что виденное ранее. Как-то мы ездили с мамой к новой бабушкиной тёте, жившей в селе. От остановки мы долго шли пешком, и я запомнил запах чернослива, коптившегося во дворах. Этот аромат заполнял всё пространство, казалось, что это основное содержимое жизни наших новых родственников, я потом долго ещё чернослив ассоциировал с ними. А здесь местность сильно отличалась от наших сёл. Деревьев росло меньше, они казались ниже, но все были чем-то увешены. Абрикосами, яблоками, персиками. Наши липы представлялись каким-то бессмыслием, практической несуразностью. Если у нас основной цвет был зелёный, то здесь – жёлтый, но это нисколько не лишало новые пейзажи свежести жизни, просто эта местность рано становилась урожайно-жатвенной и привлекательно-сладкой.

Когда из автобуса вышли первые пассажиры я сумел, как мне показалось, разглядеть фрагмент маминого платья. Это меня окончательно успокоило и я продолжил контролировать водителя и дорогу. Тогда я ещё не знал, что где-то в Японии есть люди, у которых нет цели, а есть только путь – самурайский дух обуял меня. Приборная панель в кабине не была чем-то особенным: обычные круглые датчики скорости, температуры, давления, но ручка коробки передач! О, это было грандиозно! Инженер придумал создать её загнутой у основания, поэтому шла она параллельно ноге водителя и словно являлась его продолжением. Верхний пластмассовый набалдашник гармонично обволакивался сильной кистью, и мне казалось, что нет картины вдохновеннее, чем эти толчки от себя и рывки назад при переключении. В эти моменты

внутри я чувствовал какой-то приятный зуд, и я на многое мог бы пойти, чтобы поучаствовать в этом процессе. В нашем автобусе ручка была обмотана разрезанной вдоль оплёткой толстой проволоки синего цвета и выглядела очень брутально.

У нас в городе возле реки находился парк отдыха, в котором центральным объектом являлась танцевальная площадка – «клетка», название такое приклеилось к ней из-за дощатого забора вокруг. Ходить туда мне категорически было запрещено: если чему-то плохому хотели научиться, то лучшего места нельзя было и придумать. Так продолжалось до тех пор, пока администрация одного из заводов не соорудила технозону, из различных металлических элементов создав автомобили, вертолёты, ракеты, космонавтов. Огромные, покрашенные в яркие цвета они населили парк, но главным их достоинством являлись кабины, где всё крутилось, переключалось, нажималось. Была там и заветная ручка коробки передач, без обмотки, но от этого не менее желанная. Я мог часами «ездить» по всем известным мне дорогам, издавая соответствующие звуки, имитируя работу двигателя и коробки. Какое хорошее дело совершил неизвестный проектировщик культурного пространства! Постепенно молодёжь разбрелась по другим районам, а городские дети оккупировали парк.

В верхней части лобового стекла в автобусе крепилась бахрома, а сверху на ней треугольные вымпелы, такими обменивались перед началом футбольных матчей капитаны команд, я это видел на нашем городском стадионе, куда мы ходили с папой и дедом. Дед являлся ветераном ВОВ и ему многое доставалось бесплатно, а мне было до какого-то возраста, поэтому платил только папа. Из футболистов нашей команды мне больше всего нравился Циркуль, возможно это было его прозвище, потому что на футболке виднелся только номер. Был он худой, высокий и лысый. Я вскакивал со всеми, когда раздавалось:

– Циркуль, давай! Лысый бей!

И лысый бил, хорошо, плотно, с лёту и часто точно. Поздравления он принимал, скромно улыбаясь, словно говорил: «Да ничего особенного, просто повезло», и мне он нравился этим ещё больше.

Так вот, такие вымпелы, с названием команд и городов, висели вдоль всего стекла. Такие я видел и в других автобусах, и всегда мучился вопросом: «Неужели все водители бывшие спортсмены?», или может они возили футболистов, а те дарили им клубную атрибутику? Я стоял и шевелил губами, произнося знакомые и незнакомые названия, радовался первым и удивлялся вторым.

В этот момент автобус остановился второй раз, и огромная толпа вышла. Я тоже оказался на улице, пропуская их, а затем поднялся и пошёл в конец салона. Дойдя до предпоследнего ряда, я не увидел там маму. На наших местах сидела молодая приятная женщина, но я смотрел на неё с ужасом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.